

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА (МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Актуальность проблемы. Современное гуманитарное знание сегодня представляет себя в новом понимании действительности: с позиции гуманизма и толерантности интерпретирует отношение человека к природе, человека к культуре, человека к Другому. Идея партнерских отношений с тем, что находится вне человека, предписывает новые подходы и взаимодействия с «другим» – миром и вещами, природными процессами и непонятными еще проявлениями природного мира, культурами и ценностями, социальными явлениями и индивидуальными формами их осмысления. В этом плане особенно актуальными являются экзистенциальные поиски собственного смысла как проявления врожденных мотивационных тенденций, присущих всем людям и являющихся основным двигателем развития личности. Погруженность человека в смысловой мир приводит его либо к состоянию надежды (в том случае, если в сознании выкристаллизовывается некий императив, требующий своей реализации в личностном саморазвитии) или, наоборот, отчаяния, когда обнаруживается «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл) как отсутствие смысла представления о ценностях – смысловых универсалиях, в которых аккумулирован типичный исторический опыт. В мире смыслов человек открывает собственные пути, позволяющие сделать свою жизнь осмысленной; он осознает, что берет от мира, что он ему дает и какую позицию занимает по отношению к собственной судьбе...

Что же дает человек миру? Иными словами, как он его творит? В контексте гуманистического идеала творческое преобразование мира возможно при отсутствии зависимости от внешних сил, при наличии свободно выбранной возможности вступать в коммуникационные связи, что опять же означает диалоговую форму социально-культурного общения, ко-эволюционное, т.е. совместное развитие себя и другого. В этом плане и имеет смысл говорить о творческом отношении к жизни как о вкладе в общественные и культурные смыслы, как соиздании собственного личностного смысла.

Степень разработанности проблемы. Творческое отношение к жизни требует достаточно ясного представления того, что есть собственно творчество и что следует понимать под ценностями творчества. Для этого обратимся к историческому опыту философии творчества, который уже сформулировал принципиальные подходы к искомому феномену.

Уже в античной философской культуре проявилась интерпретация творчества как «умного созерцания», являющегося результатом стремления, некоей «одержимости» и страстной тяги к прекрасному (Платон). В средневековье творчество было понято как творение – вызывание бытия из небытия волевым актом божественной личности, а в плане деятельностной характеристики человека представлялось как личное соучастие в творении мира богом, но не прямое и непосредственное творение предметного мира, а дополнение собой истории. Таким способом в неявном виде в средневековой культуре обозначилась искомая парадигма в интерпретации творчества – переживания

себя в причастности к смыслу истории, созданной волей божественного провидения. Этот контекст прочтения смысла творчества позволил обозначить творчество как особую форму деятельности, – деятельности, которая связана не с занятием человека, а с его предназначением. Эпоха Возрождения освободила творчество от божественного творения и разрешила человеку считать себя гением, творцом, субъектом творческого процесса. Здесь появилась новая философская тема – смысла и содержания творческого акта как состояния души художника в момент создания художественного произведения и проблема творчества повернулась в исследование того, как особые состояния духа материализуются в том, что становится ценностью культуры.

Дух Новоевропейской реформации «заземлил» проблему творчества на предметно-практическое почву: творчество – не воплощение созерцания в произведении искусства, а действие, причем, действие активное, оригинальное, оптимальное, приносящее пользу в личном преуспевании. Такая интерпретация творческого смысла человека внесла окончательную ясность в расхождение двух принципиально разных стратегий в понимании творчества – экзистенциальной, понимающей творчество как личностное переживание себя в творческом отношении к жизни, и инструменталистской, в конечном счете, прагматической, относящей творчество к сиюминутным актам человеческого существования. Хотя далее немецкая классическая философия и представила понимание творчества как двуединого феномена – созерцательного и деятельного (Кант) и даже привнесла в творческий процесс момент бессознательного (Шеллинг), т.е. в конечном счете представила творчество с большой буквы как деятельность созидающую мир (Гегель), сама проблема творчества уже отчетливо предстала в двух модусах: метафизическом и практическом. Первый стал прерогативой философии, второй – психологии.

Марксистская философия под влиянием немецкого классического философствования неоправданно широко интерпретировала исследуемый феномен: творческой была названа вся предметно-практическая деятельность человека в истории по производству культуры и цивилизации. Это не удовлетворило философский разум XIX века, и он сделал все, чтобы возродить традиции немецкого романтизма и понять творчество как личностно уникальную форму бытия человека в прорыве природной необходимости и исторической целесообразности. В «философии жизни» творчество предстало как непрерывное рождение нового – в виде новых образов и переживаний сознания (А. Бергсон); в истории – как созидание культурных и исторических смыслов. (В. Дильтей, Ортега-и-Гассет). Здесь четко прочиталась ориентация на отделение творчества от инструменталистского отношения к миру, от технологических форм интеллектуальной деятельности и обозначилось явное отождествление творчества с творческим отношением к жизни, с духовно-душевыми экстатическими состояниями, которые приближают человека к осознанию его конечности в мире вечного.

Человек осознал, что в той мере, в какой он сам организует и направляет события жизненного пути, строит собственную среду обитания и избирательно относится к событиям, которые не зависят от его воли, он является субъектом жизнедеятельности как житнетворчества. Он не подчиняет свою жизнь обстоятельствам, не равнодушен к

своим социальным ролям, а воплощает себя через свой характер и личностный набор ценностей в активную социальную позицию, представляющую его специфическую форму самореализации. Что же позволяет человеку реализовать себя как субъекта жизнетворчества? Можно ли выделить те «атомарные» структуры, которые позволяют отличить творческую форму отношения к бытию себя в мире от нетворческой? Определение их – является **главной задачей** философии творчества, **анализ одной из них** и выступает темой данной статьи.

Первичным и одновременно основным «атомом» внутренней жизни является переживание. Переживание, как единодушно считает психологическое знание, – первичный психологический факт, специфическое проявление индивидуальной жизни человека. Именно в переживании органично переплетается эмоциональная окрашенность испытываемых субъектом различных состояний, содержание стремлений и желаний, в которых происходит реализация мотивационно-побудительной сферы сознания, и в особенности, представляется психологическая активность субъекта, детерминированная личностной системой ценностей. Переживания выступают как пролонгированные жизненные сигналы, побуждающие человека сформировать собственный личностный смысл и осознать отличие его от других ценностно-смысловых контекстов. Особая значимость переживания как субъективного факта – его эмоциональная насыщенность. Эта его характеристика воплощается в разнонаправленных психических процессах: в воспоминании, где личное самосознание кристаллизуется в индивидуальный жизненный опыт, и в воображении, где мечты, надежды и предвидения аккумулируют личные стремления и желания и конституируют работу жизненных сил по их реализации. (Правда, воображение в пассивной своей тональности может отвлекать человека от его деятельностного предназначения и увлечь в бесплодную пустоту переживаний иллюзорного содержания, но это отдельная тема разговора, в данном случае под переживанием понимается как раз активная форма прогнозирования, а следовательно, и дальнейшей деятельности по претворению воображаемого плана жизненного мира в реальность). Переживания – динамический план психологической структуры личности. Через переживание память становится воспоминанием, мышление – средством постижения сущности и способов решения жизненных задач и проблемных ситуаций, внутренняя речь – голосом совести (через переживание формируется этическая функция речи), выявляется ценностная составляющая личностного смысла, но главное – переживание выступает катализатором и императивом творческого процесса.

Переживание можно условно представить как процесс, разнонаправленный к двум полюсам – к удалению от понятия и оформлению в нем. В первом случае мы понимаем под переживанием ту наличность нашего сознания, которая никогда не может стать предметом нашего знания, она оседает и превращается в нечто целостное – то внутреннее качество личности, которое не поддается расшифровке со стороны сознания, но одновременно выступает как интеграция свойств человека, вектор его способностей, движущий актуализацию переживания в другую тенденцию – в оформление в понятии, т.е. в полюс творчества. Так мы приходим к заключению о том,

что вся логически состоявшаяся система переживаний есть творческий акт, и в этом плане можно говорить о творчестве в предельно широком значении этого термина в духе философской рефлексии немецкой классической традиции как о деятельности, конституирующей мир. Однако такая интерпретация творчества, наверное, не раскроет отличия творческого процесса от нетворческой деятельности – работы-занятия, когда человек машинально и бездумно выполняет какое-либо дело. И здесь на помощь приходит одна маленькая особенность творчества – переживание, – особенность, которую отмечают все исследователи творчества. Это то, как способы восприятия реальности (оригинальность, необычность, новизна) воплощаются в специфические фазы, или стадии, процесса переживания. Обычно их число не превышает четырех, так, по крайней мере, считает сегодня психология творчества: это подготовка, созревание (идеи), озарение и проверка. Однако за пределами схемы остается самое интересное – вопрос о том, как же происходит то таинство появления нового, где преобразования в сознании актуализируются в принципиально оригинальном продукте, предметном бытии того, что станет культурным и творческим достоянием? На этот вопрос ответить однозначно, увы, невозможно. Понятно, что, говоря о творчестве в социально-культурном контексте, мы согласимся с тем, что и художественный образ, и научный эффект детерминированы многоплановостью пересечений факторов культуры. Но как эти факторы ввели в действие интимные и уникальные психологические механизмы и структуры, породившие продукт творческого состояния, психология творчества пока не может объяснить. По всей видимости, остается признать тот факт, что творческий процесс не подлежит описанию в тех категориальных формах и структурных логических построениях, которые проявляют прагматику научного знания в стремлении обнаружить адекватный и постоянный логический ключ – инструментарий в расшифровке существа творческого акта. Здесь необходим иной уровень осмысления сути творческого процесса в форме переживания – метафизический, понимающий творчество не как «оформление в конечном» (Бердяев), а как раскрытие бесконечного, прорыв в бесконечность, не как объективацию, а как трансцендирование. В этом плане творческий процесс есть выход за пределы своего «Я» созиданием нового смысла, такого, который выступает продолжением личностной «Я-концепции», выходом за рамки собственного несовершенства созиданием принципиально нового варианта откровения человека для себя самого. Однако, будучи явлением миро творения (творческий акт обнаруживает новое бытие, новый смысл и новый предмет), творческое переживание «переживает» и другое – трагедийность смысла творчества. Она выражает себя в известном противоречии между символом (таинством творческого прорыва в некую незаданность смыслового поля) и реальностью – реалистичностью созданного продукта. Как пишет Бердяев, «творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю, на преображение мира. Но в условиях падшего мира он отяжелевает, притягивается вниз, подчиняется необходимому заказу, он создает не новую жизнь, а культурные продукты большего или меньшего совершенства» [1, с. 363]. Однако эта трагедия творчества часто не столь трагична, как об этом модно сегодня говорить. Она перевешивается более масштабной заслугой творческого

процесса и творческого акта. Творчество помогает человеку уточнить время своего существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и современников, а значит, избежать участи, которая известна под почетным именем «жертвы истории» (Иосиф Бродский. Нобелевская лекция). Творчество есть бесприоритетный смысл человека. Оно обладает собственной генеалогией, динамикой и логикой, содержанием и предметным воплощением. Именно поэтому его существование параллельно истории, и даже, более того, – оно ее опережает, поскольку творчество создает новую, не существующую ранее реальность. Эта особенность творчества концентрирует в себе колоссальную центробежную энергию, передающуюся творчеству тем временным потенциалом, который спрессован всем лежащим впереди временем. Данный факт и объясняет появление таких форм творческой реальности, которые не всегда понятны современникам, а иногда и вообще непонятны. Осмысление этого феномена требует наличия так необходимой сегодня интеллектуальной толерантности, осознания того, как остро актуальными являются «меж-парадигмальные» исследования и культурные диалоги, содружество и взаимодействие научного и вненаучного мышления.

Выводы. По всей видимости, проблему творчества следует считать особой темой в гуманитарном знании: в отношении ее трудно использовать схематизм инженерного менталитета – понять, развить, овладеть, управлять, описать. Здесь важно осознать то, что творчество – феномен, не всегда обнаруживающий себя в знакомых и ожидаемых исторических обстоятельствах, а та ипостась субъективного переживания личностного смысла как творческого отношения к жизни, которая иногда с трудом пробивает себе дорогу в признании современниками. Это делает творчество непохожим на понятные формы отношения человеческой субъективности к миру, это и делает проблему творчества столь притягательной для философии и психологии, истории и культуры, человека и человечества.

Литература:

1. Бердяев Николай. Самопознание. М., 2000.
2. Бродский Иосиф. Нобелевская лекция. «Книжное обозрение» № 24, 1988.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
4. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб., 1999.
5. Меерович М.И., Шрагина Л.И. Технология творческого мышления: М.: АСТ, 2000.